

Александр Пастухов
Орловский Государственный Институт Искусств и Культуры

Гуманистическое знание и “культурный ландшафт”

Гуманизация современных научных и образовательных программ связывается с очевидным признанием потребности каждого в расширении своих личных и профессиональных контактов. В этих условиях все чаще ощущается потребность в активном использовании языка как средства общения в разных функциональных средах, где язык почти неизбежно продолжает быть центральной опорой идентичности и, следовательно, установление зависимостей внутри культурного, научного и образовательного пространства, может выступать одним из производительных или, наоборот, неэффективных моментов по отношению ко всему мультикультурному плану.

Анализ социального контекста и плорализм интеграции показывают, что любой аспект культурного плана по своей сути мультикультурен и сложен из-за различного понимания разнообразных культур и феноменов. Оценка человеческих различий и уважение к разнообразию становятся важным моментом всего социокультурного фона. Теоретические основания и практические подходы к интерпретации научного гуманистического знания как проблемы взаимодействия и взаимопроникновения европейских культур позволяет проследить их реализационные возможности как своеобразного научного и культурного трансфера.

Известно, что профессиональная коммуникация и любое специальное знание в значительной мере определяются общественными, культурными рамочными условиями, фиксирующих взаимосвязи между языками и культурами. Профессиональная коммуникация подразумевается при этом как понятие, которое охватывает все профессиональные средства, в роли которых могут выступать языковые или другие семиотические знаки, а также “любое профессионально-коммуникативное действие” [Picht 1996:44]. Рассматриваемая в лингвистике или теории коммуникации, профессиональная коммуникация, определяется как “мотивированное и/или стиму-

лированное действие, направленное на экстериоризацию или интериоризацию предметных событий или когнитивных процессов" [Hoffmann 1993:614]. Вполне очевидно поэтому, что центральное значение отраслевого знания как когнитивно закодированного и обработанного, есть совокупность понятий, отношений, методов решения проблем в пределах отдельной области, находящихся в непосредственной взаимосвязи с самими носителями специального знания.

Большое значение, наряду с рациональным, имеет также аспект интерсубъективного "прочувствования" фактического знания, доступного читателю в форме документа (текста). Конкретизированное как исключительно интерсубъективное, на основе документов, высказываний и т.п., оно манифестируется в понятиях и соответствующих дефинициях, в отношениях систематизации (структурирования), расположения понятия внутри одной понятийной системы, в пропозициях (простых логических высказываниях), текстах или больших коммуникативных единицах, которые Г. Пихт справедливо называет "профессиональными коммуникатами" [Picht 1996: 44].

При рассмотрении сферы гуманитарного знания мы все чаще обнаруживаем проблемы в их определении, причем поле "гуманитарное знание" существенно зависит не только от своего содержательного контекста. "Гуманитарное знание", как сумма самых разнородных вещей, несет в себе в равной степени подобные отражения. Истинное значение "гуманитарного знания" в настоящее время утрачено, но, несмотря на это, гуманитарные исследования ведутся с беспрецедентным политическим накалом [Сёрл 2002:78].

Выбирая в качестве материала для анализа научные философские тексты, мы видим, что всё их многообразие (тематическое деление, работа с отдельными типами и сортами текста и т.п.) позволяет исследовать их с точки зрения научного трансфера. Разнообразие и специфика стилей текста, грамматическая систематика определяет типичный набор структур, в том числе и с точки зрения словообразования и терминотворчества.

Изучение философских текстов (на ограниченном временном отрезке XX века) помогает постичь дух нации, узнать, как функционирует язык в письменной форме. Данный аутентичный материал, хотя и ограничен сферой научной коммуникации, все же несет в себе различные стороны жизни философского сообщества.

Характер анализируемых научных текстов логично отражает современные ценности. Тексты классиков и современных авторов представляют собой открытую антологию способов бытования мысли в научной и культурной жизни. Они, правда, имеют несколько иные свойства и не изобилуют выразительной экономией и яркими персоналистическими стратегиями, но адекватно моделируют систему мироощущения в сознании отдельного человека, этноса, субэтноса и составляющих его социальных групп.

Изучение моделей действительности в языке во всей своей многоаспектности настоятельно подводит к необходимости изучения всей лингвокультурной ситуации, представляющей собой динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных средах.

Процесс обработки информации и межъязыковые и межкультурные действия интерактивных партнеров имеют свое значение как единство информационной и культурной трансмиссии – некоего *трансфера*, для которого в рамках т.н. “культурного ландшафта” эмпирически можно выделить следующие этапы: 1) распознавание отдельных единиц знания и культуры в профессиональной коммуникации (исходный текст), 2) отбор и обработка единиц в соответствии с информационной задачей, 3) соединение единиц в целенаправленное и pragmatically выстроенное высказывание.

Под *трансфером* знания или *научным трансфером* понимают информационную наработку (накопление) специфического (предметного) содержания, отчасти популяризацию профессиональной информации, представляющий собой т.н. “вертикальный трансфер” знания. Кроме того, в трансфере знания заключено непосредственное выделение профессиональных систем и когнитивных процессов, основанных на мнении экспертов, где межъязыковая, межкультурная специальная информация эксплицируется внутри и вне границ языков и культур. Этот горизонтальный трансфер профессионального знания преодолевает препятствия любого вида, и в эпоху глобализации становится нормой.

Систематика лингвокультурных реалий является важным источником лингвокультурных характеристик. Экстралингвистические стереотипы выступают в роли хранителей их немотивированных свойств, характерных для определенной лингвокультурной общности. Автоматически используя лингвокультурные стереотипы, носители языка обычно не задумываются не только на историей мотивировки, но и не обращают внимания на противоречие их некоторых эталонных свойств эмпирической картины мира.

Изучение культурной и научной трансмиссии через призму “культурного ландшафта” – это один из новых подходов изучения явлений, в том числе и языковой действительности, не через обычную языковую культуру, “по речам и писаниям”, а по характеру окружающего пространства, своего рода герменевтики европейского культурного ландшафта, во всей его мифологичности, с иллюзиями о месте и роли России в мире и её судьбе [Каганский 2001:17].

Когда-то языком науки считалась латынь, и проблемы международных связей европейских ученых просто не существовало. Потом латынь сменили живые национальные языки. Французский стал языком высшего сословия, а в XVIII в. немецкий занял позицию лидирующего языка науки в Европе. В российских

университетах многие профессора знали немецкий язык, многие из них поддерживали тесные связи с немецкими университетами и посыпали туда своих учеников. Во всяком случае, российская языковая культура XIX в., хотя и не была слишком высокой, но для продвижения научных идей уже имела базу для исторически сложившихся каналов передачи научной информации. “Вместе с наукой и научными исследованиями они стали полезны, так как они опосредуют новое знание, которое в свою очередь порождает новые умения (навыки)” [Picht 1996:21].

Важно при этом указание и на оборотную сторону. Существует довольно распространенное мнение, что родной (русский) язык испытывает на себе влияние значительных угроз, касающихся: 1) засорения языка терминами и словесными оборотами иностранного употребления, 2) использования в русской речи слов и оборотов жаргонного характера, 3) активного сокращения русскоязычного информационного пространства и др. [Колин 1996]. С этими опасениями можно согласиться лишь отчасти, но очевидно, что “следование сложившимся нормам литературного языка составляет основу двух важнейших качеств речи – её правильности и чистоты” [Граудина 2002:188]. Поэтому любое взаимодействие культур и языков должно идти на паритетной базе, путем их активного взаимодействия, но не в ущерб какому-либо одному.

Для того, чтобы понимать не только язык, но и содержание вопроса и достичь знания вещей, мы должны одновременно думать и о самом вопросе, о том, что имел в виду автор. [Ясперс 2000:151–152]. Данное положение сродни выяснению роли перевода как важной гуманитарной предпосылки. В переводе как “информационном наборе в целевой культуре и её языке об информационном наборе исходной культуры, ярко отражается “любое конвенционализированное, межъязыковое и межкультурное взаимодействие” [Prunc 1997:108] (перевод наш – А.П.).

У перевода есть еще и собирающая целость существа как сберегателя чего-то такого важного. Совершенно очевидна необходимость “определения границ одной культуры, той основы, в которой наш и другой миры совпадают, из чего начинается всякий человеческий мир [...]. Настоящая вещь с самого начала несет в себе свой собственный перевод” [Бибихин 2001:235].

На фоне других гуманитарных наук, перевод в философии означает “всегда толкование (интерпретацию), способ достижения понимания слов путем суммирования словесных значений. Он есть следование за целостным смыслом говоримого, который всегда располагается за пределами сказанного” [Гадамер 1991:430]. Можно заключить, что перевод вносит огромный, часто неосознаваемый человеком вклад в формирование личности, в формирование национального характера и общества, связанных между собой общим языком, культурой, идеологией.

Поиск подобного консенсуса в переводческой практике возможен ровно настолько, насколько возможно сосуществование в одном и том же мире одного

языка. Ведь существует не один общий мир, а множество партикулярных миров, в которых, по замечанию Гуссерля, живут люди с их “особыми мирами” (*Sonderwelten*) и каждый переводчик неизбежно ощущает свою причастность по отношению к языковым возможностям чужих миров, в которых он как носитель языка чувствует себя как дома. Перевод текстов классиков немецкой философии на русский язык, активно развивающийся в последнее время, дает показательные примеры, обнаруживающие подчас дивергирующие языковые возможности. Перед лицом богатства русского языка переводчик одновременно находится в сильной зависимости от того, как чувствовал себя автор переведимого труда в своем “внутреннем мире” (*Heimwelt*).

В каком соотношении находится мир в своей противопоставленности между своим и чужим? Этот вопрос касается в равной мере “межкультурного” аспекта собственного культурно-языкового мира к миру чужого языка и культуры, а также “внутрикультурного” соотношения личного мира внутри их общего мира. Задача исследователей этой тонкой сферы по возможности учитывать оба этих основания и содействовать межкультурному общению и взаимопониманию между различными языковыми мирами, в том числе и в рамках своей собственной культуры [Пастухов 2002:140].

Отличительная черта нашего времени – стремительный перенос “культурных ландшафтов” во все новые среды общения, порожденные научно-техническим прогрессом и продвижением сети Интернет. Современное развитие и усиление роли английского языка как средства международного общения, тенденция к нивелированию национальных особенностей ведёт к созданию всемирного общества, где растворены особенности национального сознания. Личность выступает одновременно и как объект и как субъект действия, ей вполне под силу выражать индивидуальное мнение и находить единомышленников в огромном “всемирном братстве” [Тер-Минасова 2000:42].

- Литература**
- Бибихин В.В. (2001) *К переводу классических текстов*. (in:) *Слово и событие*. Москва, УРСС
- Гадамер Х.Г. (1991) *Актуальность прекрасного*. Москва, Искусство
- Граудина Л.К. (2002) “Язык – стяг, дружину водит, царствами ворочает” (in:) *Отечественные записки*, №1, 186–193.
- Каганский В. (2001) *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб.статей*. Москва, Новое литературное обозрение
- Колин К. (1996) Идем на “красный”. Русский язык как объект национальной безопасности (in:) *Интеллектуальный мир*, №12
- Пастухов А.Г. (2002) О трудностях перевода философских текстов, сверх-задаче переводчика или замечания по феноменологии перевода (in:) *Терминология и перевод в XXI веке*. Омск, ОмГТУ, 139–143
- Сёрл Дж. (2002) Политика и гуманитарное образование (in:) *Отечественные записки*, №1